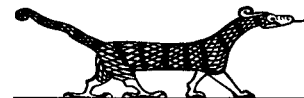

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО ВОСТОКА

КОГДА АНУ СОТВОРИЛ НЕБО

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Составление и общая редакция серии
БЕЛОВОЙ Г.А.
ШЕРКОВОЙ Т.А.

МОСКВА
«АЛТЕЙА»
2000

УДК 893.1
ББК 83.3(0)3
К 57

*Издание книги осуществлено
при финансовом содействии
Института востоковедения РАН*

Подбор иллюстраций *Е.В. Антоновой*

Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии / Пер. с аккад. Сост. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова. — М.: Алетея, 2000. — 456 с. + 40 с. вкл.: ил.
ISBN 5-89321-059-X

В сборник вошли лучшие образцы вавилоно-ассирийской словесности: знаменитый «Эпос о Гильгамеше», сказание об Атрахасисе, эпическая поэма о Нергале и Эрешкигаль и другие поэмы, «Диалог двух влюбленных», «Разговор господина с рабом», «Вавилонская теодицея», «Сказка о ниппурском бедняке», заклинания-молитвы, заговоры, анналы, надписи, реляции ассирийских царей.

УДК 893.1
ББК 83.3(0)3

ISBN 5-89321-059-X

9 785893 210590 >

ISBN 5-89321-059-X

- © Общая редакция серии.
Белова Г.А., Шеркова Т.А., 2000
- © Составление. Афанасьева В.К., Дьяконов И.М.
- © Перевод, комментарии. Афанасьева В.К.,
Дьяконов И.М., Клочков И.С.,
Якобсон В.А., 2000
- © Предисловие. Афанасьева В.К., 2000
- © Художественное оформление.
Издательство «Алетея», 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аккадская литература — так мы называем литературу Вавилонии и Ассирии — по своему происхождению тесно связана с литературой шумерской, равно как и многие другие проявления аккадской культуры связаны с культурой Шумера.

История древнего Двуречья вкратце может быть изложена так: к концу IV тысячелетия до н.э. шумеры, племена неизвестного этнического происхождения, освоили болотистую, но плодородную аллювиальную долину рек Тигра и Евфрата, осушили болота, справились с нерегулярными, а иногда катастрофическими разливами Евфрата, создав сложную систему ирригации, и образовали первые в Двуречье города-государства. Среди разнообразных достижений цивилизации, приписываемых шумерам, наиболее значительным следует признать изобретение в конце IV — начале III тысячелетия до н.э. письменности. Шумерский период истории Двуречья насчитывает около полутора тысяч лет.

С самой глубокой древности соседями шумеров были восточные семиты-аккадцы, которые в III тысячелетии до н.э. заселяли северную часть Нижнего Двуречья и находились под сильным шумерским влиянием. Проявление собственно аккадской культуры мы можем засвидетельствовать не ранее чем с середины III тысячелетия до н.э. Языком науки, религии, литературы в течение всего III тысячелетия оставался шумерский язык, даже тогда, когда жители Двуречья полностью перешли на аккадский язык, а шумерский стал мертвым языком.

История Двуречья во II тысячелетии — это уже история народов, говоривших на семитских языках; из них наиболее значительную роль в первой половине II тысячелетия играли вавилоняне — народ, говоривший по-аккадски и образовавшийся от слияния шумеров и аккадцев. Наивысшего расцвета Вавилон достигает при шестом царе первой династии города Вавилона, Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), но уже при последних царях этой династии Вавилония подвергается нашествию горных племен и приходит в упадок более чем на 500 лет.

Ассирия, с чьими памятниками связано наше первое знакомство с аккадской культурой, появляется на исторической арене как объединенное государство примерно в XIV веке до н.э., а в конце IX века до н.э. становится могущественнейшим государством Передней Азии, распространившим свое влияние на части Малой Азии и Ирана, на Восточное Средиземноморье и, одно время, даже на Египет.

Последние страницы истории Двуречья снова связаны с Вавилоном: вавилоняне вместе с соседями-мидийцами в конце VII века до н.э. наносят сокрушительное поражение ассирийской державе. Однако в 538 году до н.э. Вавилонию уже завоевывают персы. Разговорным языком Вавилонии в конце I тысячелетия до н.э. становится арамейский, на нем ведутся деловые документы и частная переписка, как писчий материал вводится пергамент. Но клинопись, письмо на глиняных табличках, по-прежнему остается господствующей в городах Двуречья; самые поздние клинописные тексты датируются первыми годами нашей эры, и аккадский язык остается языком литературы. О верности старым литературным традициям говорит хотя бы тот факт, что еще в IV веке до н.э. сочиняются ритуальные тексты на аккадском языке, не говоря уже о переводах литературных и учебных текстов. По-прежнему создаются произведения и на шумерском языке,

правда, в большинстве случаев они сопровождаются подстрочным аккадским переводом.

Значительная часть литературных клинописных текстов, как шумерских, так и аккадских, попала к нам из дворцов ассирийских царей, главным образом из знаменитой библиотеки царя Ашшурбанапала (669 — ок. 636 гг. до н.э.) в Ниневии, столице Ассирии, а также из ряда провинциальных библиотек. Но почти все дошедшие до нас аккадские памятники являются образцами не ассирийской, а вавилонской литературы, то есть произведениями, созданными вавилонскими авторами и написанными на вавилонском диалекте аккадского языка или же созданными в подражание им. Исключений из этого правила очень немного. Ассирийской литературы как таковой практически не было. Единственными по-настоящему самобытными памятниками ассирийской литературы являются царские надписи, но и они, кроме анналов царей IX века до н.э., написаны на вавилонском литературном языке, лишь с некоторыми местными диалектальными особенностями.

От аккадской литературы более чем за две тысячи лет ее существования нам досталось обширное наследие — многие сотни клинописных табличек. Тут и рассказы о сотворении мира, о создании людей из глины, о всемирном потопе, о героических подвигах обожествленных царей, и исторические надписи реальных правителей, восхваляющие их деяния, и гимны и молитвы богам, и заклинания, гадания, предсказания, притчи, пословицы, поговорки. Однако большинство текстов дошли до нас в обломках, полностью сохранившихся произведений очень немного. Поэтому одной из первых задач ассириологов было и по нынешний день остается опознание отдельных фрагментов и составление из многих мелких частей единого связного текста. К счастью, почти все тексты каждого памятника неоднократно копировались

древними вавилонскими писцами, что значительно облегчает труд по их идентификации и реконструкции.

Можно ли определить, какой частью вавилонского литературного наследства мы обладаем? Такие попытки производились: например, американский ассириолог Л. Оппенгейм произвел расчет, опираясь в своих вычислениях на размеры библиотеки Ашшурбанапала. Из писем царя к храмовому управляющему в городе Борсицпе, Шадуну, известно, что Ашшурбанапал повелевал создавать копии текстов, которые он собирал по всем землям своей державы, для того чтобы составить царскую библиотеку в Ниневии. Можно предположить, что библиотека Ашшурбанапала являла собой наиболее полное собрание традиционных текстов своего времени. В ней находилось более 700 сочинений. 200 из них следует обозначить термином «научные» (словари, грамматические тексты, перечни терминов, списки отдельных клинописных знаков и идеограмм, математические задачи), более 300 составляют разного рода тексты гаданий и предсказаний (в специальной литературе они именуется «омина»). На долю памятников, которые мы могли бы назвать «литературными» (в узком смысле этого слова), приходится немногим более 200 текстов. Мы, вероятно, обладаем, целиком или в виде фрагментов, примерно третьей частью аккадских литературных произведений, бытовавших в I тысячелетии до н.э. Другая попытка определить состав аккадской литературы состояла в том, чтобы сравнить сохранившиеся литературные тексты со списками дошедших до нас названий в древних каталогах. Каталоги с названиями произведений – обычно названием служила первая строка памятника – составлялись для сведения воедино разных текстов предсказаний, выделения магических и ритуальных текстов и для учебных целей. Были каталоги, в которых специально отмечалось авторство текстов. Шесть фрагментов одного такого каталога

сохранили свыше 50 названий различных памятников, приписываемых более чем 30 авторам. Примерно 21 название может быть соотносено с имеющимися у нас текстами, то есть опять-таки выходит немногим более трети из всех произведений, зафиксированных каталогом, – расчет совпадает с выкладками Оппенгейма.

Изучением аккадской литературы занимаются уже более ста лет, и некоторые литературные памятники, как, например, эпос о Гильгамеше, прочно вошли в обиход мировой культуры. Но все же до сих пор не существует ни полной истории этой литературы, ни обобщающего исследования жанров, стилистики, поэтики. Более того, далеко не все тексты, дошедшие до нас, изучены и поняты полностью. Почти каждый труд, посвященный аккадской литературе, начинается с перечисления проблем и вопросов, препятствующих ее изучению и ждущих будущих исследований. Вынуждены будем коснуться вкратце этих вопросов и мы.

Проблема датировки памятников. Время записи текста (не говоря уже о времени его создания) за редкими исключениями неизвестно. Расхождения в 100–200 лет при определении возраста памятника считаются небольшими. Многие тексты дошли до нас в нескольких одновременных версиях – иногда промежуток между ними составляет 500 лет и более.

Каковы критерии датировки текста? Наиболее надежным средством оказывается почерк писца и форма клинописной таблички, но таким образом мы определяем только время записи текста, который чаще всего является лишь копией. Можно попробовать датировать памятник на основании языка, но язык при переписке подвергался модернизации; к тому же языковые архаизмы часто оказываются стилистическим приемом. В отдельных случаях датировке помогают харак-

терные термины, упоминание исторических лиц и событий, однако такие намеки — довольно редкое явление. Определенную помощь могут оказать географические названия, но и они могут быть поздней вставкой. Датировка текста по его стилистическим особенностям могла бы, вероятно, дать надежный ключ в руки исследователей, но пока это дело будущего.

Проблема жанров. Как выделить из общего потока письменной традиции те памятники, которые можно было бы назвать собственно литературными, как отнести их к определенным категориям или жанрам? Из поколения в поколение переписывались, копировались и сохранялись разнообразные по назначению тексты — научно-технические (например, рецепты изготовления глазури), медицинские, юридические памятники и даже письма. Естественно, что понятия «жанра» в нашем смысле слова у древних вавилонян не существовало. Не существовало и понятия «поэтики». Как определить степень «художественности» произведения, отделить светскую литературу от культовой, по каким признакам следует производить систематизацию древних памятников? Эпическое повествование о сотворении мира «Энума элиш» — «Когда вверху...», например, было частью новогоднего ритуала, поэма о боге Эрре служила заговором против чумы, небольшой стихотворный текст соединял в себе эпизод о сотворении мира, заклинание против зубной боли и рецепт ее излечения. Можно группировать памятники, выделяя героя, скажем, бога или царя. Можно попытаться по числу списков и копий текстов, а также по местам распространения установить степень популярности произведения или степень его «избранности» — явно существовали памятники, созданные по особому случаю или для определенного лица. Можно идти и более привычным путем: постараться об-

наружить и выделять такие традиционные категории, как былина, эпос, сказание, гимн и другие. Основная беда указанных классификаций — их произвольность, ибо исследователь работает, главным образом доверяясь своему чутью и опыту.

Проблема разграничения шумерских и аккадских литературных памятников. Эта проблема, пожалуй, не только одна из наиболее сложных, но и одна из ключевых. За ней стоят вопросы соотношения шумерской и аккадской литератур, степень зависимости последней от первой, в конечном счете — проблема происхождения и самостоятельности самой аккадской литературы. Пока не удалось обнаружить ни одного раннего, чисто семитического культа. Все аккадские боги — либо шумерского происхождения, либо издавна были отождествлены с шумерскими: бог солнца Шамаш — с Уту; богиня плодородия, любви и распри Иштар — с Инанной и рядом других шумерских богинь; бог бури и ветра Адад (или Адду) — с Ишкурром; лунное божество Син — с Нанной. Один из верховных шумерских богов, божество-покровитель города Ниппура, центра древнейшего шумерского племенного союза, Энлиль (семитский Эллиль) приобрел семитское имя Бел, что означает «Владыка». После падения шумерской III династии города Ура в конце III тысячелетия до н.э. почти все правящие династии городов-государств в Двуречье в результате нашествия семитских племен амореев стали аморейскими. Однако соприкосновение с западносемитскими аморейскими племенами не оставило следов в языке и культуре Двуречья. Нам пока известны только два аморейских бога — Даган и Амурру (Эль-Амуррим), которого амореи называли Эль, то есть нарицательным именем «Бог».

Возможно, мы не можем еще обнаружить следов семитских божеств именно потому, что семиты называли богов

своих племен главным образом именами нарицательными. Имя Бел, например, применявшееся по отношению к Эллилю, а позже и к главному богу Вавилона Мардуку, означает, как мы уже сказали, «Господин», «Владыка»; Иштар значит «Богиня», следовательно, это имя могло употребляться для обозначения не только Иштар, но и любой другой богини.

Первые тексты (нелитературного содержания) на аккадском языке появляются в Двуречье примерно в середине III тысячелетия до н.э., то есть в то время, когда уже существовали шумерские литературные произведения. Но при этом некоторые древнейшие шумерские тексты написаны писцами, носящими семитские имена. Вместе с тем основное количество шумерских литературных памятников дошло до нас от периода между 2000 и 1800 годами до н.э. — от того времени, когда шумерский, по всей видимости, уже не был разговорным языком. Основная масса аккадских литературных текстов появляется после 1800–1740 годов до н.э. (1739 г. — год разгрома южных городов Месопотамии царем Самсукулуна, сыном Хаммурапи, и гибели э-дуббы, шумерской чиновничьей школы) — во второй половине II тысячелетия — не только по-аккадски, но и все еще по-шумерски. Мы не всегда можем сказать, на каком же именно языке был создан памятник первоначально — на шумерском или на аккадском: переводы с одного языка на другой выполнялись регулярно, особенно когда речь шла о гимнах, молитвах, богослужениях. Создается впечатление, что для жителей древнего Двуречья не играло существенной роли, на каком языке написано сочинение. Например, в одном аккадском каталоге, содержащем заглавия и первые строки ритуальных и литературных текстов, аккадские и шумерские названия перемешаны: из девяти произведений, создание которых приписывалось богу мудрости Эйе, четыре представляют собой аккадские «омина» с шумерскими заглавиями, три имеют ак-

кадские заглавия, а два последующих дают начальные строки шумерских литературных текстов, известных нам, однако, в двуязычной шумеро-аккадской версии. Видимо, какие-то иные критерии, а не языковая принадлежность, определяют в данном случае культурную основу литературного труда.

У большинства аккадских мифологических и эпических персонажей существовали шумерские прототипы. Герой знаменитого аккадского эпоса Гильгамеш — шумер: ему посвящено несколько шумерских поэм-сказаний, большая часть которых и легла в основу аккадской эпопеи. Шумерский царь-мудрец Зиусудра («Нашедший жизнь дальних дней») оказывается предтечей сразу двух вавилонских героев — Атрахасиса (дословный перевод имени: «Превосходящий мудростью») и Утнапишти[ма] (перевод шумерского имени Зиусудра). Так же как и Зиусудра и Атрахасис, Утнапишти[м] пережил потоп благодаря покровительству бога Эйи, шумерского Энки, но, в отличие от них, он не является героем самостоятельной истории: она введена в эпос о Гильгамеше (таблица XI). Другой прославленный вавилонский герой — Этана — упомянут как полупоэтический шумерский царь в так называемом «царском списке», в тексте, имеющем исторический характер, составленном во времена III династии Ура. А такой герой, как Адапа принадлежал к числу знаменитых шумерских «семи мудрецов», к которым древняя традиция причисляла также и Гильгамеша. И хотя не сохранилось шумерских поэм ни об Этане, ни об Адапе, видимо, сказания о них должны были существовать. Это же соображение справедливо и по отношению к вавилонскому мифу о богине подземного царства Эрешкигаль и боге Нергале, ставшем ее супругом и владыкой подземного мира: шумерских версий этого мифа мы не знаем, но оба героя носят шумерские имена.

Также заимствовано большинство сюжетов и мотивов аккадских сказаний. Представления о мировом океане подзем-

ных пресных вод Абзу (аккадское Апсу), о Стране без Возврата Куре, откуда вернуться на землю не может уже никто, даже бог, если он не оставит замены себе, о создании людей из глины, смешанной с кровью убитого божества, сказания о всемирном потопе, о чудовищной птице-буре Анзуде (аккадский Анзу) и многие, многие другие уходят корнями в шумерскую мифологию. Шумерскому рассказу о нисхождении богини Инанны в подземный мир соответствует вавилонское сказание о сошествии аккадской Иштар. Отрывок, посвященный сходу богини под землю, где ее проводят через семь ворот и при этом в каждом снимают с нее какую-то часть одежды или украшения, отчего она теряет свои магические силы, — почти точный перевод с шумерского (но все же не дословный!). Однако и этого мало. Многие композиционные и стилистические приемы, обнаруженные в памятниках аккадской литературы, кажутся заимствованными из шумерской. Шумерская поэзия изобилует монологами и диалогами, и авторской речи в ней очень мало. Бывает, что все произведение состоит из многократных повторений (иногда до десяти раз!) речей героев без всякого стилистического усечения или варьирования. От этого создается впечатление, что в произведениях шумерской литературы мало действия. Повторы сосредотачивают внимание на том, что именно один персонаж сказал другому, как именно он совершил то или иное деяние, но отнюдь не на самом деянии. Даже такой, казалось бы, громоздкий писчий материал, каким была глина, не побуждал авторов к экономности и сжатости композиции, к уменьшению числа повторов. Следовательно, повторы были очень важны, они выполняли некую важную функцию в композиционном построении, может быть, являлись художественным приемом. Повторы, особенно в прямой речи, встречаются в вавилонских произведениях, и, что крайне интересно и странно, особенно изобилуют ими два

поздних памятника, но имеющие в шумерской литературе предшественников, — поэма о сотворении мира «Когда вверху...» и сказание о боге чумы Эрре.

Основу стиля шумерской поэзии составляет параллелизм. Ритмические комплексы-строфы построены по принципу нарастания, увеличения звукового ряда (например: первая строка — короткая вводная фраза; вторая — повторение ее, но с добавлением имени собственного, эпитета и т. д.) или объединения двух (иногда и более) последовательных строк при помощи описания в каждой строке близкого, параллельного действия, то есть главным образом по принципу двучленного параллелизма. Этот же прием широко применяется и в аккадской поэзии, как, скажем, в любой поэзии, тесно связанной с фольклором (впрочем, мы ведь еще не знаем, насколько зависима от фольклора аккадская поэзия!). Встречаются в аккадской поэзии и стереотипные формулы-трафареты, так распространенные в шумерской поэтике. Это не цитирование, а стандартные, готовые к употреблению клише, которые переходят из одного произведения в другое и более свойственны памятникам, рассчитанным на устное исполнение, чем литературному тексту. В аккадской литературе они не так распространены, как в шумерской, но все же встречаются; к их числу можно отнести, например, описание подземного мира в мифах о Нергале и Эрешкигаль, в поэме о нисхождении Иштар, в эпосе о Гильгамеше.

Что же, аккадская литература — зависимая от шумерской, полная заимствований и, как бы, литература второго порядка? Но сравним еще раз те произведения шумерской и аккадской литературы, которые имеют общий сюжет, и попробуем подойти к ним теперь, отмечая уже не сходство, а различие.

Поэмы о сошествии Инанны и Иштар в подземное царство. Один сюжет, и много совпадений. Но разница видна уже

во вступлении. Шумерское сказание начинается с перечисления семи (в других вариантах — до 13) храмов, из которых одновременно уходит богиня Инанна, с описания семи магических сил, которые она надевает на себя в виде украшений, и с ее наказов своему визирю. Начало вавилонской версии — выразительный образ той страны, куда отправляется Иштар, — «Страны без Возврата». Не будем говорить и оценивать, какое введение «лучше и интереснее», отметим только разный подход к развитию темы с самого начала, а также то обстоятельство, что аккадское вступление получилось более сжатым, лаконичным и, пожалуй, более драматичным. Сокращен и переработан эпизод похода посла богини ко всем богам, их отказа помочь Инанне, волнения Энки-Эйи за судьбу богини. Вместо этого — короткое, энергичное описание горя богов от того, что перестало на земле зарождаться все живое — ведь богиня любви ушла в преисподнюю. И сами образы богинь в шумерских и аккадских произведениях не схожи: Иштар и Эрешкигаль более четко противопоставлены, чем в шумерской поэме, яснее выражено их отношение друг к другу. И мы начинаем понимать, что перед нами не просто перевод и даже не переложение, а новая версия, другое сочинение на ту же тему.

Еще показательнее эволюция эпоса о Гильгамеше. Аккадское произведение, в том виде, в каком оно предстает перед нами уже из текстов II тысячелетия, — не простое соединение отдельных шумерских былин, а монументальная эпопея, в которой все элементы тщательно скомпонованы, связаны в единое целое общей идеей и подчинены определенному художественному замыслу. Не все шумерские сказания вошли в эпос — нет рассказа о сражении Гильгамеша с царем Киша Аггой, нет и эпизода о том, как герой срубил волшебное дерево «хулушпу», — возможно, это потому, что они показались автору недостаточно выразительными, мешающими драма-

тическому развитию действия. И в то же время самостоятельное шумерское произведение — сказание о потопе — органично влилось в эпос; этим рассказом как бы подчеркивается тщетность погони за бессмертием. Не статичны, как в шумерских былинах, образы Гильгамеша и Энкиду, они даны в развитии. Становление героической природы происходит на наших глазах. Гильгамеш в начале повествования — буйный молодец, наделенный разрушительной силой. Он не знает, на что направить ее; от его буйства страдают его сограждане. Но вот, под влиянием облагораживающей дружбы с Энкиду, характер героя меняется, он готов служить добру — отправляется в поход на Хумбабу, чтобы «все, что есть злого, уничтожить на свете». Отчаяние, тоска по безвременно погибшему другу обрекают его на скитание, на поиски «цветка молодости», который так и остается ему недоступным. А Энкиду? В шумерских сказаниях он — раб Гильгамеша, и его история — всего лишь «фон», оттеняющий подвиги главного героя. О существовании Энкиду мы узнаем из фразы: «Гильгамеш уста свои открыл, рабу своему Энкиду слово молвит...» Аккадский Энкиду — полноправный герой эпоса, чья трагическая смерть становится кульминационным моментом произведения — именно она дает толчок прозрению Гильгамеша: «И я не так ли умру, как Энкиду?...» Как и у Гильгамеша, у Энкиду своя собственная судьба: дикарь, живущий среди природы, а потом приобщающийся к цивилизации, могучий герой, совершающий смелые подвиги с побратимом, и, наконец, человек, обреченный смерти, познавший страдание. Меняется и трактовка многих общих в шумерской и аккадской версиях эпизодов: подготовка к походу, ночные сновидения Гильгамеша, сражение со стражем кедрового леса и другие. В аккадском эпосе они изложены эмоциональнее, действие в них динамичнее, они обрастают подробностями и деталями, которых нет в шумерских сказаниях. Плач Гильгамеша по Энкиду, опи-

сание бегства в пустыню тоскующего Гильгамеша и многие другие эпизоды делают эпос о Гильгамеше одним из шедевров древневосточной эпической поэзии.

Следует также отметить, что не только отдельные эпизоды приобретают иной облик и смысл; так, прежний шумерский сюжет может получить в аккадской литературе совершенно иное воплощение. Наглядным примером является рассказ о потопе в эпосе об Атрахасисе и в эпосе о Гильгамеше. Эпос об Атрахасисе, с которым читатель впервые ознакомится в настоящем издании, как и сказание о Гильгамеше, относится к вершинам вавилонского поэтического творчества. Рассказ о сотворении людей, о том, как присудили им «бремя божье», о бедствиях, насылаемых на людей богами, постоянно недовольными ими, о вечном страхе людском перед богами, об их зависимости от гневных, капризных, неуловимых божественных сил построен необыкновенно искусно, с ритмическим нарастанием действия, с рефреном, кольцом, соединяющим начало и конец песен-глав: «Не прошло и двенадцати сотен лет, земля разрозлась, расплодилось люди...» Каждое новое бедствие, угрозившее роду людскому, превосходит предыдущее по своей разрушительной силе, и потоп, который должен был уничтожить все человечество, становится, таким образом, завершающим весь эпос событием, наиболее драматичным и самым ярким. В эпосе о Гильгамеше роль потопа иная: это лишь одно из звеньев повествования о поисках и скитаниях главного героя, о его судьбе смертного, судьбе, чью обреченность рассказ, вложенный в уста единственного бессмертного, только подчеркивает.

Повествование о потопе в «Гильгамеше» ведется от первого лица, и потоп как бы видится глазами очевидца — это придает рассказу образную силу и выразительность. Совершенно иначе, но едва ли не более драматично трактован со-

ответствующий эпизод в эпосе об Атрахасисе, но там рассказ ведется уже как бы от лица автора.

Таким образом, аккадская литература, столь много взявшая от шумерской литературы, оказывается и самобытной и самостоятельной, в первую очередь отчетливо заявляемым авторским отношением к тексту, к его композиции. И действительно, за текстом угадываются авторы — писцы, «грамотеи» вавилонского общества, чьи образованность и терпеливая мудрость сохранили для нас «глиняную» культуру Двуречья. Ибо вся клинописная литература (включая и шумерскую) вышла из э-дуббы — «дома табличек», то есть шумеро-вавилонской школы. О ней нам рассказала сама школа: до нас дошло большое число табличек, из которых мы узнаем, что именно эта школа представляла собой, как происходил процесс обучения, какие предметы преподавались, каковы были экзаменационные требования, кто в ней учился и кто учил. Нам известно, что писцы старались сделать свою профессию наследственной, и хотя грамотность была распространена среди значительной части населения (об этом говорят литературные тексты, найденные в частных домах, ведомости, составленные не профессиональными писцами, а, например, старшими пастухами), все же писцы выделялись в особую социальную группу, чьей привилегией стала область знания и творчества. Известно также, что грамотность была доступна и девочкам; есть тексты, подписанные женщинами-писцами, и недаром в подземном царстве списки умерших ведет богиня-писец.

Большое внимание уделялось изучению языка: экзаменационные тексты, дошедшие до нас, упоминают обязательные переводы с шумерского на аккадский и обратные, а также подбор разного рода терминологических эквивалентов. Огромную роль в системе обучения играло заучивание наизусть, чтение вслух и переписка древних текстов, отдельных

оборотов и выражений. В процессе обучения будущий писец копировал табличку до тех пор, пока не достигал совершенства. По мере освоения определенного раздела он переходил к более сложной задаче, затем к еще более сложной и так далее. Поэтому до нас дошло гораздо большее число копий именно первых таблиц одного и того же произведения, чем последующих. Интересно, что шумерские тексты копировались чаще, чем аккадские, во всяком случае, если некоторые шумерские таблички сохранились в 50 экземплярах, то число копий одного и того же аккадского текста обычно не превышает пяти-шести. Это объясняется тем, что шумерские тексты изучались в э-дуббе, а аккадские — уже после ее гибели, когда ученики стали обучаться у заклинателей, у младших жрецов, а не у профессиональных учителей. Изучались и переписывались не только ритуальные и культовые памятники, но и фольклорные: пословицы, притчи, поговорки и, естественно, эпические произведения. Можно предположить, что писцы заучивали отдельные повторяющиеся эпические мотивы, фразеологические обороты, именно копируя древние памятники. Так и создавался основной фонд литературных произведений, тот источник, из которого могли черпать древние поэты. Это относится не только к мифам, гимнам, эпосам, но и к царским надписям. Известно, что писцы, которые составляли анналы, votивные надписи, письма к богам и другие подобного рода произведения, имели доступ к современным им текстам, равно как и к более древним.

Э-дубба шумерского времени объединяла систему преподавания в масштабах государства. В вавилонский период вместе с обширным царским хозяйством исчезали и крупные школы. Подготовкой писцов, видимо, занимались писцы-практики, у которых были учебные списки произведений, являвшихся чем-то вроде учебного канона. Канонический круг памятников, который существовал в Вавилонии точно так же,

как и в Шумере, сложился не ранее XV–XIII веков до н.э. Этот канон был не только учебным, но и религиозным: в него входили культовые тексты общегосударственного значения (иногда в отдельных городах записывались и религиозные тексты, связанные с местными культурами). Литературные произведения были лишь малой его частью, а главная состояла из ритуальных, магических, научных сочинений. Последние, как правило, представляли собой разного рода списки терминов — назначение их было учебно-познавательное — медицинских, ботанических, географических, геологических и т. п. Из светских художественных произведений сохранились в основном дидактика и эпос. Но дошли и доканонические памятники — ранние версии героических эпосов, боевая песнь воинов царя Хаммурапи, любовный диалог. Кроме того, наряду с каноническими, писцы переписывали и такие произведения, как шутивная песня о Гильгамеше, сказка о бедняке из Ниппура, политический памфлет «Поучение царю» и другие сочинения. Создавались и новые памятники уже после того, как канон наметился. К ним можно отнести так называемую «Вавилонскую теодицею», ассирийские псалмы Асархаддона и Ашшурбанапала. Некоторые тексты стали считаться каноническими позже других. Поток традиции, таким образом, не был замкнутым, канон менялся в разные времена и в разных писцовых школах. Поэтому каноничность или неканоничность произведения не были абсолютными. Вне канона, например, была вся историческая литература и анналы, которые не рассматривались как произведения художественной литературы.

На многих табличках стоят имена их авторов. Конечно, это могут быть и имена копиистов. Но есть списки и литературные каталоги, где речь идет прямо об авторах. Часто это боги, что вполне понятно, или мифологические персонажи, а один вавилонский диалог, спор между волом и конем, даже

записан как исходящий «из уст коня». Но среди фантастических, явно неправдоподобных имен попадаются и вполне вероятные. В некоторых текстах авторы названы по имени, или «по имени и отчеству»: «такой-то, сын такого-то», или по профессии: «такой-то, заклинатель». В произведениях, созданных в конце II тысячелетия и позже, часто указываются и родовые имена – что-то вроде фамилии. Видимо, к этому времени сложились писцовые династии. Указывалось, кем был автор, откуда происходил (большинство названных авторов – из Вавилона). Так, эпос о Гильгамеше записан со слов урукского заклинателя Син-ликке-уннинни, эпос об Этане – со слов Лу-Нанны. Эпос об Эрре привиделся во сне Кабтилани-Мардуку (что означает «Мардук – почтеннейший из богов»), который, восстав ото сна, записал все, что ему приснилось, «не упустив ни единого слова». Памятник, условно называемый ассириологами «Вавилонская теодицея», содержит акростих, составляющий имя автора: Эсагил-кени-уббиб («Храм очистил верного»), который был царским советником в XI в. до н.э. Если даже прямых доказательств подлинности авторства у нас нет, мы можем судить о реальности авторов, если попытаемся проанализировать эти имена. Вероятно, не вымышлен автор эпоса об Эрре, ибо в тексте о нем даны подробные сведения. Вполне возможно, что некий Лу-Нанна, автор эпоса об Этане, – также реальное лицо, поскольку имена подобного типа – первые характерны для последних столетий III тысячелетия – первых столетий II тысячелетия до н.э., как раз того времени, от которого дошли до нас ранние фрагменты эпоса. Напротив, Син-ликке-уннинни, скорее всего, не автор, а редактор-составитель последней версии эпоса о Гильгамеше: имена из трех составных частей стали употребительны лишь во второй половине II тысячелетия до н.э., а первая версия эпоса, безусловно, была создана еще в первой половине этого тысячелетия. Но в большинстве случаев, когда ука-

зывается имя автора, речь, скорее всего, идет о далеких предках той или иной писцовой школы, к которой принадлежал автор или редактор последней версии сочинения. Во всяком случае, тут нам важно то обстоятельство, что сами вавилоняне считали свою литературу «авторской». Важен, по-видимому, был не конкретный автор, но стоящий за именем авторитет (например, тексты, вышедшие «из уст бога Эйи»). Аккадская литература, следовательно, мыслилась авторской – пусть не в нашем понимании, но, во всяком случае, как сложившаяся в потоке традиции, божественной и человеческой.

Стремление к личностному началу в аккадской литературе прослеживается во многих направлениях. Предпочтение тому или иному жанру, оказываемое обеими литературами, нам представляется далеко не случайным. Так, в шумерской литературе чаще встречаются гимны и плачи о гибели городов и династий, а в аккадской – псалмы, то есть хвалебные и покаянные молитвы. Гимн рассчитан большей частью на хоровое исполнение, эмоции, которые он вызывает, – коллективные, объединяющие людей. То же можно сказать и о плачах. Молитва, псалом – уже средство индивидуального общения с богом. Если человек нарушал ритуал, осквернялся или заболел, он шел в храм и заказывал соответствующую службу. Обряд очищения можно было совершить и дома – глава вавилонской семьи обычно исполнял ряд жреческих обязанностей сам. Большинство молитв, псалмов, заклинаний строились стереотипно. Но первоначальный образец, как правило, обладал высокими художественными достоинствами и, по всей видимости, составлялся для царей по специальному заказу. В тексте молитвы часто оставлялось свободное место, чтобы можно было вставить туда имя человека, обращающегося к богу.

Характерны для аккадской литературы и жанры, в которых рассказ ведется от первого лица, – к ним можно отнес-

ти так называемые «псевдоавтобиографии» (в нашем издании — легенда о Саргоне), «псевдонадписи», а также и подлинные надписи и исторические описания, нередко содержавшие биографические элементы. Любопытно соотношения диалогических текстов и монологических: в ряде случаев нам представляется возможность проследить эволюцию памятника, где третье лицо заменяется первым — в частности, в философско-эпических поэмах о Невинном страдальце (два варианта публикуются в настоящем издании).

Существование светской лирики кажется несовместимым с понятием литературы культовой, канонической или учебной. И все же этот жанр существовал и дошел до нас. Речь идет не о любовных заклинаниях, близких заговорам, и не об обрядовых песнях-действиях, что было бы вполне естественно. Сохранился каталог любовных песен конца II тысячелетия до н.э., названия которых (первые строчки произведений) не оставляют сомнения относительно их содержания: «О, приди, любимый!», «Уходи, сон, я обниму любимого!», «Твоя любовь, господин мой, — благоухание кедр...», «Не соперница мне ты, сражающаяся со мной!» — и т. д. Но сохранились, к сожалению, только названия, самих песен мы не знаем. Однако существует текст гораздо более раннего времени (начала II тыс. до н.э.) «Оставь попреки...», который показывает, что подобные произведения вовсе не случайное явление. «Оставь попреки...», судя по всему, учебный текст, который был либо литературной композицией, скопированной с более раннего, несохранившегося текста, либо, что вероятнее, сочинением одаренного ученика-писца, подготовившего импровизированное упражнение, может быть, для себя, для собственного удовольствия. Произведение это не производит впечатления вполне традиционного, хотя автор не отказывался от традиционных приемов, но наполнено такой искренней выразительностью, которая свидетельствует

о прочувствованном личном начале, словом, о том, что и делает поэзию поэзией.

Две тысячи лет существования письменной традиции, равно как и развитой системы школьного преподавания, сделали аккадскую литературу «книжной» и замкнутой — она развивалась как литература высокой тайной премудрости, изоцированной игры ума: «Я открываю тебе, Гильгамеш, сокровенное слово...» Литература поучающая и просвещающая зародилась еще в э-дуббе как шумерская; затем аккадская литература развила и обогатила это направление — «премудростей», поучений, споров о добре и зле, о смысле жизни, где вольно или невольно затрагивались вопросы о смысле бытия... Так, предтечи Екклесиаста в аккадской литературе представлены более, чем в какой-либо другой литературе древности.

Процесс развития месопотамской словесности к собственной литературе и ее становления был длительным и почти неприметным. Однако уход аккадской литературы от своих истоков — шумерской литературы, развитие возможностей, заложенных в самой литературе как в самостоятельном виде искусства, привыкание к чтению глазами, «про себя», к процессу размышления и чистого эстетического удовольствия прослеживается в развитых аккадских памятниках весьма отчетливо.

Такая литература может решать уже довольно сложные задачи, создавая, например, произведение, композиция и стилистика которого будут полностью подчинены его идейному замыслу и «сверхзадаче». Мы имеем в виду космогоническую поэму «Когда вверху...» — «Энума элиш». Это сочинение, соединившее в себе прямолинейную агитацию с абстрактнейшими теологическими выкладками и построениями, задуманное хитроумно и многопланово, является характерным образцом работы «книжной», ученой мысли вавилон-

ских писцов и теологов. Сначала нам кажется, что мы имеем дело с мифом — произведением, повествующим о сотворении мира и излагающим основы вавилонского космогонического учения. В поэме говорится о первородном хаосе, о мировом океане, о создании вселенной, о борьбе первичных стихий. Но очень скоро становится ясно, что цель поэмы вовсе иная. Вся ее композиция искусно и продуманно подчинена единой мысли: прославить величие и мощь бога Мардука, который после возвышения Вавилона в XVIII веке до н.э. постепенно стал центральным божеством вавилонского пантеона. Так, рассказ о последовательном рождении поколений богов, каждое из которых превосходит предыдущее, создан лишь для того, чтобы подчеркнуть совершенство Мардука, а заодно доказать его законную преемственность. Мардук — «дитя-солнце», с которым никто не может сравняться, к тому же еще и прямой потомок древних шумерских божеств и сын мудрейшего из них, Эйи. Ту же цель преследует и рассказ о сражении с первородной стихией, Тиамат: Мардук — единственный, кто может противостоять и победить в сражении. Разработки собственных космогонических представлений по сравнению с шумерской космогонией в поэме не обнаруживаются, да это, судя по всему, и не слишком интересовало создателей поэмы. Им гораздо важнее было показать роль Мардука в сотворении мира, приписать ему все великие деяния. Создателем людей в шумерской традиции считался Энки-Эйа, а поэма изображает эту историю так, что Эйа творит людей по замыслу Мардука, как бы лишь исполняя его волю. Вообще все боги в поэме поспешно и добровольно отдают Мардуку свой сан, свои заслуги и положение. При этом «дела земные» мало интересуют авторов — о сотворении земли и людей, о земном устройстве рассказывается как бы мимоходом. Но все, что создается на небе: чередование дня и ночи, ход небесных светил, расположение планет — находят-

ся в кругу живейших интересов ученых творцов поэмы. Стиль поэмы также подчинен ее идейному замыслу: в ней много архаизмов и придуманных «книжных» слов, размер ее тяжел и торжествен, текст обременен большим числом монологических и диалогических повторов — поэма как бы имитирует древнее произведение, создатели стремились сделать ее похожей на старинные шумерские образцы. И такая искусственность и надуманность сочинения, прямолинейная идеологическая направленность — наиболее уязвимые, слабые стороны поэмы. Она не воспринимается нами столь живо и непосредственно, как эпос о Гильгамеше, или сказание об Атрахасисе, или даже менее совершенный диалог влюбленных с их миром живых человеческих страстей.

Ученая и все же опирающаяся на фольклор литература неминуемо обнаруживает не только свою поэтическую тягу к «изустности», но одновременно и свою причастность к абстрактному графическому образу, к «запечатленному слову». Мы уже говорили, что характернейший прием шумерской и аккадской поэзии — объединение двустий или даже стансов-строф, связанных между собой синтаксическим параллелизмом, а также их противопоставление.

Действительно, в аккадской поэзии, в ее развитой форме, совершенно явно выделяются строфы, образованные выделением и подчеркиванием какой-то единой мысли. Скажем, повторением определенной словесной формулы — «Смилуйся надо мной!..» («Тебе мольбы мои, владык владычица...») или «Как тот, кто...» («Владыку мудрости хочу я восславить...») — либо нанизыванием одного за другим параллельного ряда стихов. Реже, но все же достаточно часто применяется хиазм — противоположное, обратное параллелизму синтаксическое построение. Возможно, мы пока не всегда улавливаем многие существенные литературные приемы и их взаимосвязи. Однако, хотя у нас нет оснований утверждать,

что в основе стиля вавилонской поэзии лежит строго и сознательно проводимый принцип чередования параллелизмов и хиазмов, в ней явно заметно стремление к особому поэтическому строю речи.

Весьма важно и другое: безусловное существование текста как бы в двух плоскостях — произносимом вслух, заученном или усвоенном на слух, в декламации, и доступном глазу. Так, например, до нас дошли экземпляры текстов, где поперечной чертой подчеркнута, скажем, каждая десятая строка (в одном из вариантов текста поэмы о Невинном страдальце), что не совпадает с делением строф в поэме. Есть таблички, где строки разделены линией, хотя нет никакого двуступища. То же самое происходит и с цезурой — в некоторых копиях текстов в середине каждой строки оставлено пустое место, делящее строку на два полуступища. Все эти знаки — для глаза, они графически отражают возможности читательского восприятия.

Еще более показательное явление — акростих. Клинописному знаку соответствует не буква, а слог; если читать первые знаки строк сверху вниз, составляется акростих. До нас дошло семь акростихов, все из библиотеки Ашшурбанапала. Те из них, что сохранились полностью, называют имена авторов или писцов наряду с благочестивым изречением. Текст одного из них — так называемая «Вавилонская теодицея» — приведен в нашем издании. В одном из стихотворений последние знаки строк идентичны первым, образуя акростих по обеим сторонам.

Конечно, вопросы вавилонской поэтики во многом зависят от того, насколько точно мы можем восстановить правила аккадского стихосложения. Хотя и более понятные, чем в шумерском языке, они до конца все же не выяснены, и многое в понимании законов аккадского стиха остается еще спорным. Определенную роль в изучении аккадского языка

сыграл, конечно, принцип сравнения с живыми семитскими языками. Но то обстоятельство, что для записи своего языка аккадцы употребляли систему, созданную шумерами для совершенно иных фонетических и грамматических категорий, заставляет нас быть очень осторожными в окончательных выводах о стихосложении. По мнению большинства специалистов, вся древневосточная поэзия написана тоническим или близким к тоническому стихом, где главную роль играет счет ударных слогов, а число неударных ничего не значит. Чтения как такового в аккадской литературе, надо полагать, не было, стихи произносились нараспев или просто пелись.

Для наиболее распространенного размера характерен стих, содержащий четыре ударения и разделенный паузой-цезурой на два полуступища. Кажущаяся неорганизованность стиха устраняется женскими, то есть неударными окончаниями. Встречаются и пятистопные, и шестистопные стихи, в таком случае стих имеет две цезуры либо одну — после третьей стопы. Шестистопный стих можно рассматривать как два трехстопных, и ранние тексты старовавилонского периода обыкновенно написаны (а быть может, только записаны) короткими трехстопными стихами. Прямая речь вводится в стих особыми формулами, которые, как правило, выпадают из размера и подчинены собственному ритму. Возможно, они не пелись, а произносились нараспев. Имя собственное также часто выделяется в особую дополнительную стопу.

При переводе аккадских литературных текстов на русский язык переводчики обычно исходят из предпосылки тонической системы стихосложения аккадского языка, что оказывается очень удобным для передачи этих стихов в русской тонической системе.

В России традицию переводов памятников клинописной литературы начали поэты В. Брюсов и Н. Гумилев, переводив-

шие памятники с французских подстрочников. В 1897 году вышел сонет Брюсова «Ассаргадон», который практически является стихотворным переложением надписи этого царя, обнаруженной вместе с его изображением в Сирии, в Нахр-эль-Кельбе. Поэт Н. Гумилев был первым, кто познакомил в 1919 году русских читателей с эпосом о Гильгамеше. Большую помощь в работе над переводом оказал Гумилеву крупнейший шумеролог и ассириолог В.К. Шилейко (1891–1930), сам талантливый поэт и переводчик. Он написал предисловие к переводу Гумилева. Переводы с шумерского и аккадского языков самого В.К. Шилейко знаменовали собой новый этап в истории изучения клинописной литературы и положили начало художественным переводам уже с подлинника, включавшим также и научную интерпретацию текста. Они не потеряли своего художественного значения и поныне, однако устарели в научном отношении, ибо наши знания шумерского и аккадского языков все же ушли вперед за 50 лет, что отделяют нас от кончины ученого. Часть переводов В.К. Шилейко была опубликована в 20-х годах в журнале «Восток», многое затерялось, в том числе и его собственный перевод эпоса о Гильгамеше. Но кое-что сохранилось в его архиве, и составители настоящего сборника считают одной из главных своих задач познакомить наших читателей с наиболее интересными переводами В.К. Шилейко.

В 1961 году на русском языке был опубликован «Эпос о Гильгамеше» в переводе И.М. Дьяконова, и с этого времени над художественными переводами с шумерского и аккадского языков работает вместе с ним группа его учеников, которые стремятся в своих переводах, по возможности приближаясь к размерам подлинника, передать средствами русского языка своеобразие и выразительность древних памятников. Настоящий сборник является первым изданием на русском языке, где представлены почти все жанры аккадской

поэзии и ассирийской прозы. Однако это не совсем тот круг сочинений, который знали образованные читатели времени Ашшурбанапала, — многие знаменитые произведения, такие, как сказания об Этане, летавшем на орле, об Адапе, не получившем бессмертия, о сражении бога-героя Нинурты с орлом Анзу и другие, еще ждут своей встречи с русским читателем. В сборник попали произведения, которые их переводчики смогли подготовить на современном уровне науки, собрав все последние публикации и соединив в ряде случаев отдельные фрагменты в сводные версии. Издатели постарались быть верными шумеро-вавилонской традиции, сохранив, а где-то восстановив заглавия произведения по первой строке. Привычные, но часто произвольные заглавия, предлагавшиеся учеными, даются ниже как подзаголовок. Нам хотелось бы, чтобы эта маленькая деталь создала у читателя ощущение достоверности, оказалась бы тем ключом, который отомкнет ему дверь в тысячелетия.

В. Афанасьева

Содержание

Предисловие. *В. Афанасьева* 5

ДЕЯНИЯ БОГОВ

«Когда вверху...» — «Энума Элиш» Поэма о сотворении мира. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	35
«Когда боги, подобно людям...» Сказание об Атрахасисе. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	58
«Когда пир устроили боги...» Поэма о Нергале и Эрешкигаль (ранняя версия из Тель-эль-Амарны). <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	87
«Царицу народов хочу я восславить...» Эпическая поэма о Нергале и Эрешкигаль (ассирийская версия). <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	91
«К стране безысходной...» Сошествие Иштар в Преисподнюю. <i>Пер. В. Шилейко</i>	105
«Царь всех обиталищ...» Поэма о боге чумы Эрре. <i>Пер. В. Якобсона</i>	112

ПОДВИГИ ГЕРОЕВ

«О все выдавшем» со слов Син-лике-уннинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше. <i>Пер. И. Дьяконова</i>	137
--	-----

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЖИЗНЬ

«Эйа Ир'емума любит...» Любовное заклинание. <i>Пер. И. Дьяконова</i>	211
«Эа Любимца любит...» Любовное заклинание. <i>Пер. И. Ключкова</i>	213
«Ветер, подуй! Содрогнитесь, горы!..» Заклятье. <i>Пер. И. Ключкова</i>	216
«Ветер, подуй! Всколыхнись, роща!..» Заклятье. <i>Пер. И. Ключкова</i>	218
«Держу тебя!..» Заклятье. <i>Пер. И. Ключкова</i>	220
«Оставь попреки!..» Диалог двух влюбленных. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	221
«В водах потока...» Заклинание для роженицы. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	225
«Телица тяжелая...» Заклинание для роженицы. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	227

«Житель потемок прочь из потемок...» Колыбельная песня-заговор из Ашшур. <i>Пер. В. Шилейко</i>	228
«Когда Ану сотворил небо...» Заговор против зубной боли. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	229
«Раб, повинуйся мне!..» Разговор господина с рабом. <i>Пер. В. Якобсона</i>	231
«Ниппурец, муж смиренный и бедный...» Сказка о ниппурском бедняке. <i>Пер. И. Ключкова</i>	237
«Предназначенья назначаются Эа...» <i>Пер. И. Ключкова</i>	244
«Для чего, словно барка...» Плач-заклинание. <i>Пер. В. Шилейко</i>	246

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БОГ

«Муж со стенаньем...» Старовавилонская поэма о Невинном страдальце. <i>Пер. И. Ключкова</i>	249
«Владыку мудрости хочу я восславить...» Из среднеавилонской поэмы о Невинном страдальце. <i>Пер. В. Афанасьевой</i>	251
«Уснули князья...» Молитва к ночным богам. <i>Пер. В. Шилейко</i>	255
«Вышла она на простор...» Из книги заклинаний. <i>Пер. В. Шилейко</i>	257

452 СОДЕРЖАНИЕ

«Шамаш, когда ты восходишь...»
 Заклинание Солнца.
Пер. В. Шилейко 260

«Скорбь, как воды речные...»
 Из заклинаний.
Пер. В. Шилейко 263

Похвала Иштар.
Пер. И. Клочкова 265

«Тебе — мольбы мои, владык владычица, богинь богиня!..»
 Заклинание-молитва к Иштар.
Пер. В. Афанасьевой 267

«Хорошо молиться тебе...»
 Заклинание-молитва к Иштар.
Пер. В. Афанасьевой 273

«Могучий, пресветлый, муж Эреду...»
 Заклинание-молитва к Мардуку.
Пер. В. Афанасьевой 275

«Мудрый муж, постой, я хочу сказать тебе...»
 «Вавилонская теодицея».
Пер. И. Клочкова 277

Из заклинаний «Утешение сердца Божия».
Пер. И. Клочкова 286

Из заклинаний «Да отпустит».
Пер. И. Клочкова 291

ДЕЯНИЯ ЦАРЕЙ

«Эллиль дал тебе величье...»
 Военная песнь Хаммурапи.
Пер. И. Дьяконова 295

«Я — Шаррукен, царь могучий...»
 Сказание о Саргоне.
Пер. И. Дьяконова 297

«Ададнерари, светлый государь...»
 Из надписи Ададнерари I.
Пер. И. Дьяконова 299

«...В начале моего царствования...»
 Из анналов царя Ашшурназирпала II.
Пер. И. Дьяконова 300

«Ашшуру, отцу богов, владыке великому...»
 Военная реляция Саргона II.
Пер. И. Дьяконова 304

«Я — Синаххериб, великий царь...»
 Из анналов Синаххериба.
Пер. В. Афанасьевой 315

Письмо Асархаддона богу Ашшуру.
Пер. И. Дьяконова 321

«Шамаш, великий владыка...»
 Запрос царя Асархаддона к оракулу.
Пер. И. Дьяконова 325

«Я, Ашшурбанапал, творение Ашшура и Белет...»
 Из анналов Ашшурбанапала.
Пер. В. Афанасьевой 327

Молитва Шамашшумукина к богине Царпанит.
Пер. В. Афанасьевой 336

«Мор-Изнуриитель, владыка великий...»
 Молитва Шамашшумукина к богу Нергалу.
Пер. В. Афанасьевой 337

КОММЕНТАРИИ

ДЕЯНИЯ БОГОВ

«Когда вверху...» — «Энума Элиш». *В. Афанасьева* 342

«Когда боги, подобно людям...» *В. Афанасьева* 350

«Когда пир устроили боги...»

«Царицу народов хочу я восславить...»
В. Афанасьева 356

«К стране безысходной...» <i>В. Афанасьева</i>	361
«Царь всех обиталищ...» <i>В. Якобсон</i>	363

ПОДВИГИ ГЕРОЕВ

«О все выдавшем» со слов Син-лике-уннинни, заклинателя. <i>И. Дьяконов</i>	367
---	-----

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЖИЗНЬ

«Эйа Ир'емума любит...» <i>И. Дьяконов</i>	381
«Эа Любимца любит...» <i>И. Клочков</i>	383
«Ветер, подуй! Содрогнитесь, горы!» <i>И. Клочков</i>	387
«Ветер, подуй! Всколыхнись, роща!» <i>И. Клочков</i>	388
«Держу тебя!» <i>И. Клочков</i>	388
«Оставь попреки!» <i>В. Афанасьева</i>	389
«В водах потока...» <i>В. Афанасьева</i>	390
«Телица тяжелая...» <i>В. Афанасьева</i>	392
«Житель потемок прочь из потемок...» <i>И. Дьяконов</i>	394
«Когда Ану сотворил небо...» <i>В. Афанасьева</i>	394
«Раб, повинуйся мне!» <i>В. Якобсон</i>	395
«Ниппурец, муж смиренный и бедный...» <i>И. Клочков</i>	397
«Предназначенья назначаются Эа...» <i>И. Клочков</i>	399
«Для чего, словно барка...» <i>В. Афанасьева</i>	403

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БОГ

«Муж со стенаньем...» <i>И. Клочков</i>	405
«Владыку мудрости хочу я восславить...» <i>В. Афанасьева</i>	406
«Уснули князья...» <i>И. Дьяконов</i>	408
«Вышла она на простор...» <i>В. Афанасьева</i>	409
«Шамаш, когда ты восходишь...» «Скорбь, как воды речные...» <i>И. Дьяконов</i>	410
Похвала Иштар. <i>И. Клочков</i>	411
«Тебе — мольбы мои, владык владычица, богинь богиня!» <i>В. Афанасьева</i>	412
«Хорошо молиться тебе...» «Могучий, пресветлый, муж Эреду...» <i>В. Афанасьева</i>	414

«Мудрый муж, постой, я хочу сказать тебе...» <i>И. Клочков</i>	415
Из заклинаний «Утешение сердца божия». <i>И. Клочков</i>	417
Из заклинаний «Да отпустит». <i>И. Клочков</i>	419

ДЕЯНИЯ ЦАРЕЙ

«Эллиль дал тебе величье...» <i>И. Дьяконов</i>	420
«Я — Шаррукен, царь могучий...» <i>И. Дьяконов</i>	420
«Ададнерари, светлый государь...» <i>И. Дьяконов</i>	421
«...В начале моего царствования...» <i>И. Дьяконов</i>	422
«Ашшуру, отцу богов, владыке великому...» <i>И. Дьяконов</i>	423
«Я — Синаххериб, великий царь...» <i>В. Якобсон</i>	426
Письмо Асархаддона богу Ашшуру. <i>И. Дьяконов</i>	427
«Шамаш, великий владыка...» <i>И. Дьяконов</i>	428
Из анналов Ашшурбанапала и молитвы Шамашшумукина. <i>В. Афанасьева</i>	429

СЛОВАРЬ	435
---------------	-----

СЕРИЯ
«СОКРОВЕННОЕ СЛОВО ВОСТОКА»

Когда Ану сотворил небо.
Литература древней Месопотамии

Составление и общая редакция серии
Беловой Галины Александровны
и Шерковой Татьяны Алексеевны

Ответственный редактор *А.Б. Шахнович*
Художник *С.Ю. Гордеева*
Технический редактор *А.С. Мишачева*
Компьютерная верстка *Г.А. Фетисовой*
Корректоры *И.В. Беляя, О.В. Наумова*

Изд. лиц. АР № 040768 от 22.05.96.
Гигиен. заключ. № 77.ФЦ.8.953.П.104.12.98 от 28.12.98.
Выдано Федеральным центром Госсанэпиднадзора.
Сдано в набор 12.03.2000. Подписано в печать 25.07.2000.
Формат 70 × 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,95+1,75 вкл. Тираж 3 000 экз.
Заказ № 1329.

Издательство «Алетейа». 115569, Москва, а/я 135, «Алетейа».

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.